ЕЛИЗАВЕТА ФРОЛОВА

НАСЛЕДСТВО С ХАРАКТЕРОМ

Елизавета Фролова

Наследство с характером

«Автор»
2026

Фролова Е. Д.

Наследство с характером / Е. Д. Фролова — «Автор», 2026

Есть книги, которые хочется читать неспешно — осенним вечером, укутавшись в плед, пока за окном идёт дождь. «Наследство с характером» — одна из таких историй.Марта унаследовала старинную гостиницу «Отражение» вместе с её долгами, капризными постояльцами и тайнами, о которых здесь предпочитают молчать. Но однажды прошлое начинает напоминать о себе: старые фотографии, забытые документы и странные совпадения складываются в историю, которую кто-то очень хотел оставить нераскрытой.Вместе с журналистом Глебом Марте предстоит разобраться в семейных секретах и выяснить, что скрывают стены гостиницы.Если вы любите атмосферные истории с загадками прошлого, как в «Тринадцатой сказке», но предпочитаете больше тепла, юмора и романтики, добро пожаловать в «Отражение».Здесь у каждого есть своя история. И не все готовы её рассказать.

© Фролова Е. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 24
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Елизавета Фролова
Наследство с характером

Глава 1

— Если из крана ещё раз польётся холодная вода, я напишу жалобу! — возмущённо заявил мужчина, нависая над стойкой регистрации.

Марта подняла на него глаза и мысленно предложила написать сразу две жалобы. Одну на воду, вторую — на погоду, которая с самого утра тоже не оправдывала ожиданий. За высокими окнами гостиницы моросил противный осенний дождь, ветер гонял по дорожкам мокрые листья, а небо выглядело так, словно собиралось провисеть над Озёрском в этом состоянии до следующего апреля.

— Я вас услышала, — ответила Марта, стараясь придать голосу хотя бы отдалённое сходство с вежливым.

— Вы это ещё вчера говорили! — мужчина возмущённо всплеснул руками.

— Значит, у вас хорошая память, — заметила она и закрыла журнал регистрации, поняв, что спокойно закончить записи ей всё равно не дадут.

Мужчина побагровел. На вид ему было около пятидесяти, на нём красовался дорогой спортивный костюм, а выражение лица говорило о том, что за свою жизнь он привык получать всё необходимое немедленно, желательно с извинениями и бесплатным десертом.

— Послушайте, девушка… — начал он, наклоняясь ближе.

Марта поморщилась. В свои тридцать четыре она давно перестала воспринимать обращение «девушка» как комплимент, особенно когда его произносили с интонацией начальника, застукавшего подчинённого за кражей канцелярских скрепок.

Утром Марта мельком взглянула на себя в зеркало за стойкой: русые волосы выбились из наскоро собранного пучка, под голубыми глазами залегли тени от недосыпа, а губы были сжаты так плотно, будто она заранее готовилась к очередной ссоре. В последнее время ей всё чаще казалось, что усталость стала заметнее любого другого выражения на её лице.

— Меня зовут Марта, — раздражённо поправила она гостя.

— Мне совершенно всё равно, как вас зовут! — рявкнул мужчина, стукнув ладонью по стойке. — Я заплатил за номер с горячей водой!

— И горячая вода у вас будет, — процедила Марта сквозь зубы, мысленно отсчитывая до десяти. На семи ей уже захотелось кого-нибудь придушить, поэтому упражнение пришлось прекратить.

— Когда?! — потребовал гость.

Вопрос был, безусловно, справедливым. К сожалению, ответа на него не знал никто, включая сантехника Сергея Петровича, который обещал приехать к восьми утра, а теперь благополучно исчез вместе со своим телефоном. Марта подозревала, что где-то в Озёрске существует тайное общество сантехников, члены которого дают друг другу клятву никогда не появляться вовремя.

— Как только мастер устранит неисправность, — ответила она, изобразив на лице улыбку, от которой у мужчины почему-то ещё сильнее нахмурились брови.

— Я оставлю отзыв! — пригрозил он, явно рассчитывая, что эти слова произведут сокрушительный эффект.

— Это ваше право, — кивнула Марта.

— Очень плохой отзыв!

— Я поняла.

— И всем знакомым расскажу!

Марта едва удержалась от предложения напечатать листовки и раздать их на центральной площади Озёрска. Судя по выражению лица гостя, он был бы вполне способен организовать подобную акцию самостоятельно.

Из кухни в этот момент появилась Зоя Павловна, неся поднос с чистыми чашками. Невысокая, плотная, с аккуратно собранными седыми волосами и неизменным выражением спокойного превосходства над жизненными обстоятельствами, она выглядела человеком, которого невозможно вывести из равновесия. Марта подозревала, что даже при пожаре Зоя Павловна сначала выключила бы плиту, потом проверила, не остался ли в духовке пирог, и только после этого поинтересовалась, где находится огнетушитель.

— Доброе утро! — приветливо произнесла она, останавливаясь возле стойки. — Что у нас случилось?

— У вас тут ничего не работает! — немедленно сообщил мужчина, поворачиваясь к ней.

Зоя Павловна неторопливо оглядела освещённый холл, работающий телевизор в гостиной зоне, кофемашину возле столовой и Марту, которая уже начинала жалеть, что вообще проснулась.

— Ну почему же ничего? — удивилась она. — Вот Марта работает. С самого утра, между прочим.

Мужчина открыл рот, явно не ожидав такого ответа.

— В моём номере нет горячей воды! — повторил он, на этот раз громче, словно Зоя Павловна могла не расслышать с первого раза.

— Знаем, дорогой, знаем, — сочувственно покивала она. — Сейчас разберёмся. А пока приходите завтракать, у нас сегодня сырники со сметаной.

— Мне не нужны ваши сырники! — отрезал мужчина.

— Ну, как знаете, — пожала плечами Зоя Павловна. — А я бы на вашем месте не отказывалась. Марта их не готовила, так что можете не опасаться.

— Зоя Павловна! — возмущённо воскликнула Марта, чувствуя, как предательски дёрнулся уголок рта.

— Что? — женщина посмотрела на неё с самым невинным видом. — Я же тебя хвалю. Ты у нас по другой части.

Гость несколько секунд переводил взгляд с одной женщины на другую, очевидно пытаясь понять, издеваются над ним или здесь действительно принято так общаться с постояльцами. Не придя к определённому выводу, он возмущённо махнул рукой и направился к лестнице.

— Это безобразие! — бросил мужчина через плечо.

— Полностью согласна, — тихо пробормотала Марта, когда он скрылся из виду. — Отказываться от бесплатных сырников — верх неблагодарности.

Зоя Павловна поставила поднос на стойку и укоризненно покачала головой.

— Марточка, ты когда-нибудь научишься разговаривать с людьми?

— А что я сейчас делала? — искренне удивилась Марта, потянувшись к телефону.

— Отпугивала постояльца, — невозмутимо пояснила женщина. — Причём с таким усердием, будто он не за номер заплатил, а пришёл просить у тебя денег в долг.

— Ничего подобного. Я была предельно вежлива.

— Конечно, дорогая. Особенно когда посмотрела на него так, словно прикидывала, поместится ли он в мусорный контейнер.

Марта невольно усмехнулась, но тут же сделала серьёзное лицо. Зоя Павловна обладала неприятной способностью замечать даже те мысли, которые Марта считала исключительно личными.

— Между прочим, некоторые гости к нам возвращаются, — заметила она, набирая номер сантехника.

— Видимо, надеются, что в следующий раз попадут в мою смену, — отозвалась Зоя Павловна и принялась расставлять чашки.

Марта хотела ответить, но телефон наконец ожил, и знакомый голос Сергея Петровича сообщил, что он уже почти выехал. Выяснилось, что сначала у него сел аккумулятор в автомобиле, потом пришлось искать человека с проводами для прикуривания, а теперь он как раз собирался заехать за необходимыми инструментами.

— Сергей Петрович, — произнесла Марта с опасным спокойствием, — вы вчера сказали, что приедете к восьми. Сейчас половина десятого. У меня полный отель людей, которые хотят помыться, и один особенно настойчивый мужчина, который грозится рассказать о нас всему человечеству. Мне очень нужно, чтобы вы приехали раньше, чем он доберётся до телевидения.

Сантехник заверил, что будет через полчаса, после чего поспешно попрощался.

— Через полчаса, — объявила Марта, убирая телефон.

— То есть к обеду, — перевела Зоя Павловна.

— Не начинайте, пожалуйста.

— Я ещё даже не начинала, — заверила та и, немного помолчав, добавила: — Кстати, у нас опять уволилась горничная.

Марта медленно подняла голову. За последние несколько недель эта фраза успела стать настолько привычной, что её впору было записывать в ежедневный прогноз погоды.

— Какая? — осторожно уточнила она.

— Лена.

— Она проработала четыре дня! — Марта даже отложила телефон, не веря услышанному.

— Да, — с уважением подтвердила Зоя Павловна. — Личный рекорд за этот месяц.

— И что ей не понравилось? — раздражённо спросила Марта, скрестив руки на груди.

— Сказала, что атмосфера тяжёлая, — сообщила женщина, продолжая протирать стойку.

— У нас семейный отель, а не санаторий для нежных фиалок! — возмутилась Марта.

Зоя Павловна наконец подняла на неё глаза.

— Вот именно это я ей и передала. Почему-то не помогло.

Марта закрыла лицо ладонями. Вчера Лена разбила стакан в шестом номере, и Марта, уставшая после бесконечных звонков поставщикам, высказала девушке всё, что думала о невнимательности, ответственности и людях, которые не способны удержать в руках предмет стоимостью сто рублей. Теперь, вспоминая испуганное лицо горничной, она почувствовала неприятный укол совести, но тут же решила, что девушка могла хотя бы предупредить об увольнении заранее.

— Она записку оставила? — спросила Марта, убирая руки от лица.

— Оставила, — кивнула Зоя Павловна и протянула ей сложенный листок.

Марта развернула бумагу и прочитала короткое сообщение, в котором Лена вежливо извинялась за то, что больше не сможет работать в гостинице, и благодарила за предоставленную возможность.

— Очень содержательно, — пробормотала Марта, сминая записку.

— Зато вежливо, — заметила Зоя Павловна.

— Могла бы хоть до конца недели доработать…

— Могла бы, — согласилась женщина. — Только ты вчера сказала, что с таким отношением к работе ей лучше вообще сюда не приходить.

— Это было образное выражение! — возмутилась Марта.

— А она, видимо, не поняла твоего литературного таланта.

Марта шумно выдохнула и посмотрела на список занятых номеров. Гостиница была заполнена почти наполовину, что для дождливого октября считалось вполне приличным

результатом, однако радоваться было рано: счета за отопление уже лежали на столе, а впереди маячил очередной ремонт.

— Замечательно, — процедила она — теперь у нас две горничные на двенадцать номеров.

— Одна, — поправила Зоя Павловна.

— Почему одна?! — Марта резко повернулась к ней.

— Нина сегодня выходная.

— Пусть выйдет.

— У неё внук родился, Марточка, — терпеливо пояснила женщина.

— И что? — вырвалось у Марты раньше, чем она успела подумать.

Зоя Павловна медленно сняла очки и посмотрела на неё так, что Марте захотелось немедленно извиниться, хотя она ещё не вполне понимала, за что именно.

— Иногда ты говоришь такие вещи, — произнесла женщина, — что мне хочется проверить, не подменили ли тебя в роддоме.

Марта отвела взгляд. Она прекрасно понимала, что Нина имеет полное право провести выходной с семьёй, просто мысль о том, что придётся самой менять постельное бельё и мыть ванные комнаты, совершенно не вдохновляла.

— Ладно, — буркнула она после небольшой паузы. — Сама уберу номера…

— Вот и славно, — одобрительно кивнула Зоя Павловна.

— Но только сегодня! — предупредила Марта.

— Конечно, дорогая, — с такой готовностью согласилась женщина, что сразу стало ясно: никто ей не поверил.

Гостиница «Отражение» стояла на окраине Озёрска, в нескольких минутах ходьбы от большого озера, окружённого сосновыми лесами. Летом сюда приезжали рыбаки, любители тихого отдыха и городские жители, уставшие от шума и бесконечной спешки. Осенью Озёрск становился особенно красивым: сосны оставались тёмно-зелёными, берёзы вспыхивали золотом, а над водой по утрам стелился густой туман, скрывавший противоположный берег.

Внутри гостиница выглядела так, словно время здесь решило остановиться где-то между прошлым веком и сегодняшним днём. Нижнюю часть стен покрывали деревянные панели тёплого орехового оттенка, а выше тянулись бордовые обои с едва заметным золотистым узором. На окнах висели тяжёлые шторы в тон, и даже дневной свет, пробиваясь сквозь них, приобретал мягкий, почти медовый оттенок.

В холле стояли два глубоких кресла с потёртой бордовой обивкой, между которыми примостился небольшой столик на изогнутых ножках. Латунные светильники отбрасывали на стены тёплые блики, а широкая парадная лестница с резными деревянными перилами поднималась на второй этаж. По её ступеням тянулась бордовая ковровая дорожка, закреплённая потускневшими золотистыми держателями.

Когда-то всё это наверняка выглядело роскошно. Теперь кое-где обои выцвели, дерево потемнело, а кресла требовали новой обивки. И всё же в гостинице оставалось что-то удивительно уютное. Будто она упрямо отказывалась признавать, что лучшие её времена давно прошли.

Сам город был небольшим, но вполне оживлённым. На центральной улице работали пекарня, несколько кафе, продуктовые магазины и сувенирная лавка, где продавались деревянные фигурки, копчёная рыба и магниты с изображением озера. Местные жители знали друг друга если не лично, то хотя бы через общих знакомых, поэтому любая новость распространялась здесь быстрее, чем успевала появиться в газете.

«Отражение» когда-то считалось одной из главных достопримечательностей Озёрска. Большой двухэтажный дом с мансардой, деревянными балконами, широкой парадной лестницей и просторной террасой был построен ещё в конце пятидесятых годов. Тогда здесь распола-

гался дом отдыха, которым руководил прадед Марты. Позже здание перешло под управление её деда, а затем отца, и постепенно превратилось в небольшую семейную гостиницу.

В детстве Марта обожала этот дом. Ей нравилось бегать по длинным коридорам, прятаться за тяжёлыми шторами в гостиной и наблюдать за приезжающими постояльцами, которые казались ей людьми из другого, гораздо более интересного мира. Летом в столовой постоянно звенела посуда, на террасе играла музыка, а из кухни доносился запах свежей выпечки. Даже скрип половиц тогда казался уютным, словно дом разговаривал сам с собой.

Теперь всё было иначе…

Три года назад, после смерти отца, Марта унаследовала гостиницу вместе с её долгами, протекающей крышей, капризной системой отопления и персоналом, который менялся с пугающей регулярностью. Поначалу она была полна решимости вернуть «Отражению» прежнюю славу, но довольно быстро выяснилось, что одного желания недостаточно, особенно когда на банковском счёте денег хватало разве что на новые полотенца.

Дом требовал постоянного внимания: то начинала протекать труба, то ломалась кофемашина, то в самый неподходящий момент переставала закрываться дверь одного из номеров. Марта всё чаще ловила себя на мысли, что управляет не гостиницей, а престарелым родственником с отвратительным характером, который считает своим долгом ежедневно проверять её на прочность.

К полудню сантехник наконец добрался до «Отражения» и, осмотрев систему, сообщил, что проблема серьёзнее, чем он предполагал. Марта выслушала длинное объяснение про трубы, давление и какие-то детали, названия которых тут же забыла, а затем осторожно поинтересовалась стоимостью ремонта.

Услышав сумму, она попросила повторить. Сергей Петрович повторил.

Марта молча посмотрела на него, после чего поблагодарила и отправилась на кухню, потому что разговаривать с людьми в ближайшие десять минут ей категорически не рекомендовалось.

Зоя Павловна обнаружила её за столом перед чашкой остывшего чая. Рядом лежал листок с предварительной сметой, на который Марта смотрела так, словно цифры могли уменьшиться от одного только её недовольства.

— Может, ещё обойдётся, — осторожно предположила Зоя Павловна, заглянув через плечо.

— Вы видели эту сумму? — мрачно спросила Марта.

— Видела, — спокойно подтвердила женщина.

— И после этого говорите «обойдётся»?

— Ну, ты же пока жива, — заметила Зоя Павловна, доставая из шкафа тарелку.

— Утешили, — пробормотала Марта.

Женщина положила перед ней несколько сырников и придвинула сметану.

— Ешь.

— Не хочу, — отмахнулась Марта, не сводя глаз со сметы.

— Значит, просто посиди, — посоветовала Зоя Павловна. — От того, что ты будешь смотреть на бумажку, трубы сами не починятся.

Марта нехотя отложила листок и повернулась к окну. За стеклом виднелся старый сад, где мокрые яблони уже почти сбросили листву, а дорожки блестели после дождя. За невысокой оградой начинался сосновый лес, от которого в сырую погоду тянуло смолой и влажной землёй.

Когда Марта была маленькой, в дальнем углу сада стояли большие деревянные качели. Она почти не помнила их самих, зато хорошо помнила, как однажды отец резко схватил её за руку, когда она попыталась подойти к тому месту.

«Туда нельзя», — сказал он тогда таким голосом, что Марта испугалась сильнее, чем если бы он закричал.

Впрочем, запрещать отец умел прекрасно. Не ходи на чердак, не трогай старые вещи, не играй возле лестницы, не задавай лишних вопросов. Иногда Марте казалось, что весь дом состоит из мест, куда ей нельзя заходить, и предметов, к которым нельзя прикасаться.

— Опять задумалась? — спросила Зоя Павловна, заметив её отсутствующий взгляд.

— Просто смотрю на сад, — ответила Марта, пожав плечами.

— Весной надо будет яблони подрезать, — заметила женщина, тоже выглянув в окно. — А то совсем заросли.

— До весны ещё дожить надо, — усмехнулась Марта.

— Доживём, куда денемся, — уверенно заявила Зоя Павловна.

Марта покачала головой. Её всегда удивляла эта способность говорить о любых неприятностях так, будто они представляли собой временное неудобство, которое можно устранить чашкой чая и хорошим обедом.

— Зоя Павловна, а вы когда-нибудь хотели отсюда уйти? — неожиданно спросила она.

Женщина перестала вытирать стол и удивлённо посмотрела на неё. — Из гостиницы?

— Ну да, — кивнула Марта. — Вы же здесь почти всю жизнь работаете. Неужели ни разу не хотелось всё бросить?

— Хотелось, конечно, — спокойно ответила Зоя Павловна, снова взяв тряпку. — Особенно когда твой дед хозяйничал.

Марта заинтересованно повернулась к ней. О деде в семье говорили редко, а если разговор всё-таки заходил, отец обычно мрачнел и находил повод сменить тему. Сама Марта помнила его смутно: высокий мужчина с тяжёлым взглядом, который почти никогда не улыбался и не любил, когда дети шумели.

— А каким он вообще был? — спросила она. — Я ведь его почти не помню.

Зоя Павловна усмехнулась, но в её улыбке почему-то не было особенного веселья.

— Таким, Марточка, что даже тараканы при нём старались не шуршать.

— Настолько строгим? — удивилась Марта.

— Строгим был твой отец, — возразила женщина, присаживаясь напротив. — А дед твой был человеком, после разговора с которым хотелось уволиться, переехать и сменить фамилию.

Марта рассмеялась, представив, как Зоя Павловна собирает чемодан и уезжает из Озёрска под чужим именем.

— Но вы же остались, — заметила она, когда смех утих.

— Осталась, — кивнула женщина.

— Почему?

Зоя Павловна на некоторое время задумалась, глядя в окно, за которым ветер раскачивал голые ветви яблони.

— Привыкла, наверное, — произнесла она наконец. — Да и дом жалко было. Хороший ведь дом, что бы ты о нём ни говорила.

— Хороший? — Марта выразительно посмотрела на лежащую перед ней смету. — Он только что потребовал от меня сумму, на которую можно купить подержанную машину.

— Дом не виноват, что трубы старые, — возразила Зоя Павловна.

— Конечно. У нас вообще никто ни в чём не виноват. Сантехник не виноват, что опоздал, горничная не виновата, что уволилась, а дом не виноват, что разваливается. Одна я виновата во всём.

— Ну, не во всём, — задумчиво ответила женщина. — Только в том, что на людей бросаешься.

Марта закатила глаза, но спорить не стала.

— Твой прадед очень любил это место, — продолжила Зоя Павловна, словно не заметив её недовольства. — Он говорил, что дому нужно хорошее настроение. Когда гости довольны, когда люди смеются, тогда и всё остальное как-то легче идёт.

— Звучит как совет из дешёвой книжки по управлению гостиницей, — хмыкнула Марта.

— А ты не смейся, — неожиданно серьёзно произнесла женщина. — Раньше здесь действительно было по-другому.

Марта посмотрела на неё внимательнее. В голосе Зои Павловны прозвучала какая-то непривычная задумчивость, словно она вспомнила нечто, о чём не собиралась рассказывать.

— Вы ещё скажите, что дом живой, — усмехнулась Марта, пытаясь вернуть разговору привычную лёгкость.

— Не скажу, — ответила Зоя Павловна.

— Почему? — удивилась Марта.

— Потому что ты потом целую неделю будешь надо мной смеяться, — невозмутимо пояснила женщина и поднялась из-за стола.

Марта несколько секунд смотрела ей вслед, не понимая, шутит та или говорит совершенно серьёзно.

— Зоя Павловна, вы сейчас что имели в виду? — спросила она.

— Я имела в виду, что сырники остывают, — отрезала женщина, направляясь к плите. — Ешь давай, пока я сама тебя кормить не начала.

Марта покачала головой, но всё-таки взяла вилку. Сырники действительно были хорошими, и это немного примирило её с окружающей действительностью.

После обеда Марта вооружилась тележкой для уборки и поднялась на второй этаж. Зоя Павловна предложила помочь, но Марта отказалась, решив, что хотя бы с несколькими номерами способна справиться самостоятельно. В конце концов, она выросла в этой гостинице и прекрасно знала, как меняют постельное бельё, даже если последние годы предпочитала поручать это другим.

В коридоре пахло чистыми полотенцами и старым деревом. Длинная дорожка приглушала шаги, а из большого окна в конце коридора открывался вид на озеро, почти полностью скрытое туманом. В такую погоду вода казалась тёмной и неподвижной, словно огромное зеркало, в котором забыли включить отражение.

Марта остановилась возле седьмого номера и нахмурилась. Дверь была приоткрыта.

Она точно помнила, что утром проверяла этот номер. Последние гости выехали три дня назад, после чего комнату убрали и закрыли. Ключ находился у неё в связке, а второй хранился в шкафчике за стойкой регистрации.

— Ну и кто здесь хозяйничает? — пробормотала Марта, толкая дверь.

Комната встретила её привычным запахом свежего белья и лёгкой прохладой. Кровать была аккуратно заправлена, на письменном столе стояла небольшая лампа, а возле окна располагалось старое кресло с потёртыми подлокотниками. На стене висела картина с изображением озера в солнечный день, написанная каким-то местным художником ещё при жизни отца.

Марта проверила окно, заглянула в ванную и даже открыла шкаф, хотя сама не смогла бы объяснить, кого именно рассчитывала там обнаружить. Всё было на своих местах, никаких следов постороннего присутствия она не заметила.

— Прекрасно, — недовольно произнесла она, возвращаясь в коридор. — Теперь ещё и двери сами открываются.

Она закрыла номер, повернула ключ и несколько раз дёрнула ручку. Замок держал крепко, так что Марта решила, что кто-нибудь из сотрудников просто заходил сюда за запасным бельём и забыл запереть дверь. Правда, спросить было почти не у кого, но это объяснение казалось ей гораздо приятнее остальных.

Уже собираясь идти дальше, она вдруг услышала тихий щелчок за спиной. Марта остановилась и медленно обернулась. Дверь седьмого номера оставалась закрытой.

Она постояла несколько секунд, прислушиваясь к тишине, а потом раздражённо фыркнула. Старые замки, старые половицы, старые трубы — неудивительно, что этот дом постоянно

издаёт какие-то звуки. Если обращать внимание на каждый скрип, можно окончательно сойти с ума.

— Марта! — донёсся снизу голос Зои Павловны. — Тебя к телефону!

— Иду! — крикнула она в ответ и покатила тележку к лестнице.

Однако, прежде чем начать спускаться, всё-таки ещё раз посмотрела в сторону седьмого номера. Ничего необычного там не происходило, и Марта мысленно обругала себя за глупость.

К вечеру дождь усилился настолько, что за окнами почти перестали различаться деревья. Гости разошлись по номерам, в столовой убрали после ужина, а Зоя Павловна наконец собралась домой, предварительно убедившись, что Марта хотя бы поужинала.

— Завтра приду пораньше, — сообщила она, застёгивая пальто.

— Зачем? — удивилась Марта, сидевшая за стойкой с очередной стопкой счетов.

— Посмотрю, как ты тут без меня справляешься, — ответила женщина, поправляя шарф.

— Прекрасно справляюсь, — заверила Марта, не поднимая головы.

— Вот и проверим, — усмехнулась Зоя Павловна, направляясь к двери.

У самого выхода она остановилась и обернулась.

— И не сиди до ночи над этими бумажками, Марточка. От недосыпа ты ещё злее становишься.

— Не буду, — машинально ответила Марта.

— Я тебя знаю, — строго произнесла женщина.

— Тогда зачем спрашиваете? — парировала Марта, наконец подняв голову.

Зоя Павловна покачала головой, но спорить не стала. Через несколько секунд входная дверь закрылась за ней, и гостиница погрузилась в ту особенную вечернюю тишину, которую Марта любила больше всего.

В такие минуты никто не требовал дополнительных полотенец, не жаловался на температуру воды и не спрашивал, почему в Озёрске нет круглосуточного ресторана. Можно было спокойно заняться документами, проверить бронирования и хотя бы ненадолго представить, что всё находится под контролем.

Холл освещали два настенных светильника, отбрасывавших мягкие жёлтые пятна на деревянные панели. Возле окна стоял старый комод с потемневшими латунными ручками, а за стойкой регистрации стояли большие часы в резном корпусе, доставшиеся гостинице ещё от прадеда.

Марта помнила эти часы с детства, хотя их глубокий бой знала главным образом по рассказам Зои Павловны. В её собственных воспоминаниях стрелки всегда стояли на одном месте, а потемневший циферблат казался такой же неизменной частью холла, как лестница и стойка регистрации.

Теперь часы иногда подавали признаки жизни, словно старый механизм никак не мог решить, стоит ли ему снова браться за работу.

Марта уже трижды вызывала мастера. Тот внимательно осматривал механизм, что-то подкручивал и каждый раз уверял, что серьёзных неисправностей не видит. В последний приезд он посоветовал следить за заводом и при необходимости осторожно поправлять маятник.

Марта то следила, но часы по-прежнему не ходили.

Подняв голову, Марта заметила, что стрелки показывают без десяти девять, хотя на телефоне уже было двадцать минут десятого. Она тяжело вздохнула, отложила документы и подошла к часам.

— Опять за старое? — недовольно спросила она, открывая стеклянную дверцу.

Маятник неподвижно висел внутри корпуса. Марта осторожно подтолкнула его пальцами, и тот несколько раз качнулся из стороны в сторону, после чего снова замер.

— Ну конечно, — пробормотала она, скрестив руки на груди. — У вас тут у всех сегодня забастовка? Вода не греется, горничные увольняются, двери открываются, теперь ещё и ты решил отдохнуть.

Она легонько постучала пальцем по деревянному корпусу, словно рассчитывала пристыдить старый механизм.

— Между прочим, я вас всех содержу. И была бы очень признательна, если бы хоть кто-нибудь это оценил.

Часы, разумеется, ничего не ответили.

Где-то наверху скрипнула половица, и Марта машинально подняла голову. Вероятно, кто-то из гостей вышел из номера, хотя звук показался ей странно отчётливым для второго этажа.

Она закрыла дверцу часов и вернулась за стойку, решив, что завтра снова позвонит мастеру. Правда, от одной мысли о дополнительных расходах у неё начинала болеть голова.

На столе лежала стопка неоплаченных счетов, и Марта взяла верхний, надеясь, что хотя бы там сумма окажется не такой страшной. Надежда прожила недолго: пробежав глазами по цифрам, она раздражённо откинулась на спинку стула.

— Да чтоб вас всех… — вырвалось у неё.

В ту же секунду один из настенных светильников погас.

Марта замолчала и медленно повернула голову.

Лампа не горела, хотя соседний светильник продолжал исправно освещать холл. Несколько секунд она смотрела на тёмный плафон, потом устало подняла глаза к потолку.

— Даже не начинай, — предупредила она неизвестно кого.

Светильник мигнул и снова загорелся.

Марта замерла, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. Конечно, всему имелось разумное объяснение: старая проводка, плохой контакт, сырость после дождя. В этом доме вообще было достаточно причин, по которым свет мог вести себя странно, и ни одна из них не имела отношения к мистике.

— Очень смешно, — пробормотала она, пытаясь убедить себя, что разговаривает исключительно с электричеством.

За окнами шумел дождь, где-то в глубине дома негромко гудел холодильник, а из кухни доносилось привычное тиканье маленьких настенных часов. Марта уже собиралась вернуться к счетам, когда вдруг услышала ещё один звук — тихий, но совершенно отчётливый. Она подняла голову.

Большой маятник старых часов медленно раскачивался из стороны в сторону.

Марта несколько секунд смотрела на него, не понимая, что произошло. Она ведь только что пыталась запустить механизм, и ничего не получилось. Теперь же маятник двигался совершенно свободно, словно кто-то невидимый осторожно подтолкнул его в нужный момент.

Она достала телефон и посмотрела на время, было двадцать три минуты десятого. Однако стрелки часов по-прежнему показывали без десяти девять.

Марта подошла ближе и прислушалась. Маятник продолжал двигаться, но минутная стрелка оставалась неподвижной, будто механизм решил работать лишь наполовину.

— Ну и что это за представление? — недовольно спросила она, заглядывая за стекло.

Марта постояла ещё немного, потом устало потёрла переносицу. За сегодняшний день она успела выслушать жалобы постояльцев, поругаться с сантехником, потерять очередную горничную и узнать, сколько будет стоить ремонт системы горячего водоснабжения. Если теперь ещё начать переживать из-за часов, до утра можно не дожить.

— Ладно, — вздохнула она, закрывая дверцу. — Хоть кто-то сегодня решил поработать.

Она выключила настольную лампу, собрала счета и направилась к лестнице, собираясь наконец подняться к себе. Завтра предстоял очередной день, который наверняка начнётся с

какой-нибудь неприятности, и Марта искренне надеялась, что хотя бы ночью гостиница даст ей отдохнуть.

Уже поставив ногу на первую ступеньку, она вдруг остановилась.

Старые часы за её спиной негромко ударили один раз.

Марта резко обернулась.

Маятник продолжал раскачиваться, а стрелки всё так же показывали без десяти девять.

Она нахмурилась, прислушалась и подождала ещё немного, но больше ничего не произошло.

— Совсем с ума сошли, — пробормотала Марта и, покачав головой, начала подниматься по лестнице.

В пустом холле снова воцарилась тишина, нарушаемая только размеренным тиканьем старого механизма. Часы продолжали идти, хотя стрелки оставались на месте.

А за окнами гостиницы «Отражение» дождь постепенно стихал, оставляя после себя мокрые дорожки, тёмные деревья и едва заметный туман, который медленно поднимался от озера.

Глава 2

На следующее утро Марта проснулась от настойчивого телефонного звонка. Некоторое время она лежала с закрытыми глазами, надеясь, что звук прекратится сам собой, но телефон явно придерживался другого мнения и продолжал вибрировать на прикроватной тумбочке.

Не открывая глаз, Марта нащупала его рукой и поднесла к уху.

— Если кто-нибудь умер, говорите сразу, — сонно пробормотала она. — Если нет, перезвоните через час.

— Марточка, ты что, ещё спишь? — раздался бодрый голос Зои Павловны.

Марта приоткрыла один глаз и посмотрела на часы. Было семь сорок.

— Зоя Павловна, я легла в два ночи, — простонала она, натягивая одеяло на голову. — У меня есть законное право поспать хотя бы до восьми.

— Конечно, есть, дорогая, — невозмутимо согласилась женщина. — Только у нас тут небольшая неприятность.

Марта медленно убрала одеяло с лица.

— Насколько небольшая?... — настороженно спросила она.

— Смотря с чем сравнивать.

— Зоя Павловна!!!

— Да не кричи ты так, я прекрасно слышу. Просто у нас в холле потолок немного подтекает.

Марта села на кровати.

— Что значит «немного»?!

— Ну, если поставить ведро, то вполне терпимо.

— А если не ставить?

— Тогда придётся ставить два, — спокойно пояснила Зоя Павловна.

Марта закрыла глаза и мысленно досчитала до пяти. До десяти она уже давно перестала считать, поскольку практика показывала, что это совершенно бесполезно.

— Я сейчас спущусь, — процедила она и сбросила вызов.

Её небольшая квартира располагалась в мансардной части гостиницы. Когда-то здесь находились комнаты для персонала, но отец переделал несколько помещений под отдельное жильё, и после его смерти Марта решила остаться. Поначалу ей казалось удобным жить прямо на работе: не нужно тратить время на дорогу, всегда можно проверить, всё ли в порядке, а если ночью что-нибудь случится, она окажется рядом.

Через три года Марта поняла, что это было одной из самых неудачных идей в её жизни.

Работа теперь находила её в любое время суток, включая выходные, праздники и те редкие минуты, когда она пыталась принять ванну. Иногда ей казалось, что гостиница специально ждёт, пока она расслабится, чтобы немедленно сообщить о новой неисправности.

Накинув тёплый кардиган, Марта кое-как собрала волосы в пучок и спустилась вниз.

В холле её встретила Зоя Павловна, вооружённая шваброй и ведром. Посреди помещения стоял небольшой таз, в который с потолка с равномерной настойчивостью падали капли воды.

— Доброе утро! — приветливо сказала женщина.

Марта посмотрела на таз, потом на потолок и только после этого перевела взгляд на Зою Павловну.

— Вы издеваетесь? — мрачно поинтересовалась она.

— С чего бы? — удивилась та. — Я тебе ещё по телефону сказала, что потолок подтекает.

— Вы сказали «немного»!

— Так немного и подтекает. Вот если бы с потолка лилось, тогда я бы сказала «сильно».

Марта запрокинула голову. На белой штукатурке расплывалось небольшое тёмное пятно, из которого периодически срывались капли. Судя по расположению, вода просачивалась где-то возле старого водостока, который она собиралась проверить ещё прошлой весной.

Уже был октябрь, и водосток, очевидно, решил напомнить о себе самостоятельно.

— Прекрасно, — пробормотала Марта. — Просто замечательно. Вчера горячая вода, сегодня крыша. Завтра, наверное, фундамент попросит отпуск.

— Не накликай, — строго предупредила Зоя Павловна, переставляя таз чуть левее.

Марта достала телефон и набрала номер мастера, который занимался кровлей. Пока шли гудки, она с тоской посмотрела на старые часы над стойкой регистрации. Стрелки всё ещё показывали без десяти девять.

— Хоть бы раз правильно время показывали, — раздражённо пробормотала Марта.

Маятник медленно качнулся.

Марта смутилась. Вчера вечером маятник вдруг начал раскачиваться после очередной остановки, и она была уверена, что к утру он снова замрёт. Однако теперь механизм продолжал размеренно тикать, хотя стрелки почти не сдвинулись.

— Что? — переспросила Зоя Павловна, не расслышав её слов.

— Да часы эти упрямые, — отмахнулась Марта. — Вчера маятник сам остановился, потом снова пошёл, а стрелки будто и не замечают, что время движется.

Зоя Павловна подняла голову и несколько секунд смотрела на циферблат.

— Может, просто механизм старый, — предположила она.

— Мастер говорит, что исправный.

— Значит, мастер плохой.

— Или часы ненормальные.

— В нашем доме всякое бывает, — задумчиво произнесла Зоя Павловна, после чего снова взялась за швабру.

Марта хотела уточнить, что именно та имела в виду, но в этот момент мастер наконец ответил, и разговор пришлось отложить.

К десяти утра течь удалось временно остановить, а Марта получила ещё одну предварительную смету, которая ничуть не улучшила её настроение. Сантехник тем временем сообщил, что необходимые детали для системы горячего водоснабжения привезут только завтра, и Марта с трудом удержалась от желания спросить, не проще ли сразу закрыть гостиницу и открыть здесь музей технических неисправностей.

Позже, когда с протекающей крышей удалось хотя бы временно разобраться, Марта застала Зою Павловну в холле возле старых часов. Женщина протирала деревянный корпус мягкой тряпкой, осторожно обходя резные завитки, и смотрела на него с такой бережностью, что Марта невольно остановилась рядом.

— Зоя Павловна, а почему они вообще столько лет стоят? — спросила Марта, взглянув на циферблат. — Неужели никто так и не сумел их починить?

Зоя Павловна опустила тряпку и улыбнулась, словно вопрос напомнил ей что-то дорогое. — Твой дед рассказывал мне, что прадед привёз их сюда едва ли не первым делом, ещё когда гостиницу только готовили к открытию. Перед приездом самых первых гостей он сам завёл механизм и сказал, что теперь у дома появилось сердце. Пока часы идут, говорил он, и гостиница живёт своей жизнью.

Марта посмотрела на неподвижные стрелки и представила незнакомого ей молодого прадеда, который стоял на этом самом месте, прислушиваясь к первому тиканью. — А потом что случилось?

— Когда прадеда не стало, часы остановились почти сразу, — тихо ответила Зоя Павловна, погладив потемневшее дерево. — Сначала все думали, что просто забыли их вовремя завести, а потом выяснилось, что дело не только в этом. Твой дед принял гостиницу, на него

навалились заботы и неприятности, и до часов руки доходили редко. Мастеров, конечно, приглашали, но одни ничего не находили, другие что-то поправляли, а через неделю всё возвращалось на круги своя.

— И так они простояли до меня? — Марта почувствовала неожиданную грусть, хотя ещё утром была готова назвать эти часы очередной бесполезной проблемой.

— Почти так, Марточка. Иногда маятник запускался, а стрелки всё равно не шли. Твой отец тоже пытался их спасти, но потом перестал. — Ответила Зоя Павловна и, помедлив, добавила с мягкой улыбкой: — Может, всё-таки дождутся человека, который сумеет вернуть им ход.

Марта усмехнулась, собираясь сказать что-нибудь о стоимости хороших часовщиков, но вместо этого ещё раз взглянула на циферблат. Неожиданно ей захотелось, чтобы старый механизм заработал не ради удобства постояльцев, а просто потому, что когда-то с него началась жизнь этого дома.

Впрочем, к полудню жизнь начала понемногу налаживаться. Постоялец, грозившийся написать разгромный отзыв, уехал, предварительно сообщив, что больше никогда не вернётся. Марта пожелала ему счастливого пути с такой искренностью, что Зоя Павловна потом ещё долго качала головой.

После обеда в гостинице стало тихо. Несколько гостей отправились гулять к озеру, другие разъехались по своим делам, и Марта наконец смогла спокойно заняться документами. Она сидела за стойкой регистрации, сверяя бронирования на ближайшие выходные, когда входная дверь открылась и в холл вошла пожилая женщина.

Первое, на что обратила внимание Марта, было пальто.

Сиреневое, с широким воротником и крупными пуговицами, оно выглядело так, словно его владелица совершенно не собиралась подстраиваться под унылую октябрьскую погоду. На голове женщины красовалась небольшая шляпка с тёмно-фиолетовой лентой, а на груди поблёскивала необычная брошь в виде стрекозы. В одной руке она держала трость с серебристой ручкой, в другой — кожаную сумочку, явно пережившую не одно десятилетие.

За женщиной по полу с трудом катился огромный чемодан на колёсиках, который, судя по всему, был старше самой гостиницы лишь ненамного.

Незнакомка остановилась посреди холла, огляделась и глубоко вздохнула.

— Надо же, — произнесла она негромко. — Почти ничего не изменилось.

Марта подняла голову от журнала.

— Добрый день, — сказала она, автоматически переходя на привычный рабочий тон. — Вы к нам заселяться?

Женщина посмотрела на неё с таким вниманием, словно пыталась разглядеть что-то за её лицом.

— Надеюсь, милочка, — ответила она наконец. — Если, конечно, у вас ещё принимают гостей.

— Принимают, — заверила Марта, хотя после утреннего происшествия с потолком сама уже не была в этом полностью уверена. — У вас бронь?

— Нет, — спокойно ответила незнакомка. — Я решила, что раз уж приехала, то как-нибудь договоримся.

Марта сдержанно улыбнулась. Люди, которые приезжали без бронирования и рассчитывали «как-нибудь договориться», обычно доставляли больше всего хлопот.

— На сколько ночей вам нужен номер? — уточнила она, открывая журнал.

— Как получится, — ответила женщина, неторопливо снимая перчатки.

Марта подняла глаза.

— Простите?

— Я говорю, как получится, дорогая. В моём возрасте далеко не всё можно планировать заранее.

Марта несколько секунд смотрела на неё, пытаясь понять, шутит ли гостья, но та выглядела совершенно серьёзной.

— У нас обычно бронируют конкретное количество ночей, — осторожно пояснила Марта.

— Какая предусмотрительность, — одобрительно кивнула женщина. — Значит, давайте для начала три. А там посмотрим, что получится.

Марта записала количество ночей и потянулась за регистрационной карточкой.

— Ваше имя, пожалуйста.

— Цветкова Роза Архиповна, — представилась женщина, выпрямляясь с неожиданным достоинством. — Можете просто Роза, но подозреваю, что вам будет неудобно.

Марта невольно улыбнулась.

— Хорошо, Роза Архиповна. Паспорт у вас с собой?

— Разумеется, — ответила та, открывая сумочку. — Я ещё не настолько стара, чтобы путешествовать без документов и здравого смысла. Хотя второе иногда оставляю дома.

Она начала перебирать содержимое сумки, извлекая оттуда очки в массивной оправе, небольшой блокнот, платок с вышитыми инициалами и несколько конфет в ярких обёртках.

— Вот ведь, — недовольно пробормотала женщина. — Когда ничего не ищешь, всё лежит на виду. Стоит понадобиться — оно немедленно прячется.

Марта наблюдала за происходящим с возрастающим любопытством. Незнакомка совершенно не походила на обычных постояльцев «Отражения», которые приезжали с рюкзаками, удочками или дорожными сумками. В ней чувствовалась какая-то старомодная уверенность, словно она привыкла появляться в незнакомых местах и немедленно становиться центром внимания.

Наконец паспорт нашёлся в боковом отделении сумочки, и Роза Архиповна с торжеством положила его на стойку.

— Вот он, голубчик. Я уже начала подозревать, что оставила его в поезде.

— Вы приехали поездом? — удивилась Марта, открывая документ.

— До ближайшей станции, а потом на машине. Ваш Озёрск, я смотрю, всё так же предпочитает держаться подальше от цивилизации.

— У нас есть автобусное сообщение, — сухо заметила Марта.

— Ах, автобусы! — оживилась женщина. — Прекрасное изобретение, если у человека есть лишние три часа и желание познакомиться с половиной района.

Марта невольно усмехнулась и принялась заполнять документы. Роза Архиповна тем временем продолжала рассматривать холл, задерживая взгляд то на старом комоде, то на деревянных панелях, то на широкой лестнице, ведущей на второй этаж.

Когда её взгляд остановился на больших часах, женщина неожиданно замолчала.

— Они всё ещё здесь, — тихо произнесла она.

Марта подняла голову. — Кто?

— Часы, милочка, — пояснила Роза Архиповна, указывая тростью. — Я думала, их давно убрали.

— А зачем их убирать? — удивилась Марта. — Они здесь всегда стояли.

— Именно, — задумчиво ответила женщина. — Всегда.

Она подошла ближе к часам и некоторое время наблюдала за маятником, который продолжал медленно раскачиваться за стеклом.

— Странно, — пробормотала Роза Архиповна.

— Что именно? — насторожилась Марта.

— Они идут.

— Ну, это громко сказано, — усмехнулась Марта. — Маятник двигается, а стрелки почти стоят. Мастер уже три раза приезжал, но толку никакого.

Роза Архиповна слегка наклонила голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— Ваш прадед очень любил эти часы, — произнесла она после небольшой паузы.

Марта замерла с ручкой в руке.

— Простите, откуда вы знаете моего прадеда? — спросила она, внимательно посмотрев на гостью.

Женщина повернулась к ней, и на её лице появилась едва заметная улыбка.

— А ты, значит, совсем меня не помнишь, Марточка?

Марта почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

Она не любила, когда незнакомые люди называли её уменьшительным именем. Так к ней обращалась Зоя Павловна, иногда старые знакомые семьи, но эта женщина появилась в гостинице всего несколько минут назад.

— Мы знакомы? — осторожно спросила Марта.

Роза Архиповна некоторое время смотрела на неё, словно решая, стоит ли отвечать сразу.

— Были знакомы, — произнесла она наконец. — Правда, тогда ты была совсем маленькая, с двумя косичками и ужасной привычкой прятать чужие тапочки.

Марта нахмурилась. Что-то смутно шевельнулось в памяти: летний день, деревянная терраса, чей-то смех и женщина в ярком платье, которая обещала пожаловаться её отцу, если тапочки немедленно не вернутся на место.

— Подождите… — медленно произнесла она. — Вы…

— Не торопись, дорогая, — мягко остановила её Роза Архиповна. — У тебя ещё будет время вспомнить.

В этот момент из столовой появилась Зоя Павловна с корзиной чистых салфеток. Увидев пожилую гостью возле часов, она остановилась так резко, что несколько салфеток едва не выпали на пол.

— Господи помилуй… — выдохнула она, вглядываясь в лицо женщины. — Роза Архиповна?

Незнакомка повернулась к ней и широко улыбнулась.

— Зоенька! — радостно воскликнула она. — А ты всё такая же!

Зоя Павловна поставила корзину на ближайший столик и медленно подошла ближе, не сводя с гостьи изумлённого взгляда.

— Надо же, — пробормотала она. — А я думала, вы давно умерли!

Марта зажмурилась. За последние сутки ей уже не раз хотелось провалиться сквозь землю, но сейчас желание стало особенно сильным.

Однако Роза Архиповна совершенно не обиделась. Напротив, она весело рассмеялась, и её смех неожиданно звонко разнёсся по холлу.

— Я тоже, Зоенька, — ответила она, вытирая уголок глаза платочком. — Но, как видишь, ошиблась.

Зоя Павловна несколько секунд смотрела на неё, потом тоже рассмеялась и неожиданно крепко обняла старую знакомую.

Марта наблюдала за происходящим с растущим недоумением. Она никогда не видела, чтобы Зоя Павловна так радовалась появлению постояльцев, особенно тех, кто приезжал без бронирования и не мог определиться с датой отъезда.

— Вы знакомы? — наконец спросила она, когда женщины немного успокоились.

— Знакомы? — переспросила Зоя Павловна, поворачиваясь к ней. — Да я эту женщину ещё молодой помню! Она к твоему прадеду приезжала, потом к деду, а позже и к отцу твоему заглядывала.

— И каждый раз ты кормила меня так, словно я приехала из голодного края, — добавила Роза Архиповна, с удовольствием оглядывая Зою Павловну.

— А вы каждый раз говорили, что ничего не будете есть, — парировала та. — После чего просили добавки.

— Потому что у тебя всегда прекрасно получались пироги, — невозмутимо пояснила Роза Архиповна.

Марта перевела взгляд с одной женщины на другую.

— Подождите, — произнесла она, чувствуя, что окончательно перестаёт понимать происходящее. — Так вы родственница?

Роза Архиповна посмотрела на неё с лёгкой укоризной.

— Ну наконец-то, дорогая. Я уже начала опасаться, что придётся предъявлять родословную.

— Роза Архиповна приходится родственницей твоему отцу, — пояснила Зоя Павловна. — Дальней, правда, но всё-таки роднёй.

— Очень дальней, — подтвердила гостья. — Настолько, что при желании можно было бы вообще не вспоминать о родстве. Но мы с твоим отцом поддерживали связь.

Марта почувствовала неожиданное раздражение. Она не любила разговоры об отце, особенно когда их начинали люди, которых она почти не помнила. После его смерти многие знакомые семьи вдруг сочли своим долгом рассказать ей, каким замечательным человеком он был, и каждый раз Марте хотелось спросить, почему этот замечательный человек так редко проявлял свои лучшие качества дома.

— Понятно, — сухо произнесла она, возвращаясь к документам. — Тогда вам, наверное, будет удобнее номер на первом этаже?

Роза Архиповна внимательно посмотрела на неё, но никак не прокомментировала внезапную перемену тона.

— Если можно, дорогая, я бы предпочла второй, — ответила она. — Только не слишком далеко от лестницы. Колени у меня уже не те, что раньше.

— У нас есть свободный шестой номер, — предложила Марта. — Он как раз недалеко от лестницы.

— Прекрасно, — кивнула женщина. — А седьмой занят?

Марта подняла голову.

— Нет, — ответила она после небольшой паузы. — Но шестой удобнее. Он просторнее, и там недавно обновили мебель.

— Тогда шестой, — легко согласилась Роза Архиповна, словно вопрос не имел для неё никакого значения.

Однако Марта успела заметить, как женщина ещё раз взглянула в сторону лестницы, прежде чем отвернуться.

Зоя Павловна тем временем уже распорядилась насчёт чая и пообещала помочь гостье с чемоданом. Роза Архиповна решительно отказалась от помощи, заявив, что пока способна самостоятельно распоряжаться собственным багажом, но, попытавшись сдвинуть огромный чемодан с места, всё-таки признала, что иногда независимость требует разумных компромиссов.

— Марточка, помоги Розе Архиповне подняться, — попросила Зоя Павловна. — А я пока чай приготовлю.

Марта хотела напомнить, что у неё полно работы, но встретилась с таким выразительным взглядом, что спорить передумала.

— Конечно, — сдержанно ответила она, выходя из-за стойки.

Они направились к лестнице. Роза Архиповна поднималась медленно, придерживаясь за перила, но от помощи отказывалась с упорством человека, который привык самостоятельно принимать решения.

На середине лестницы она неожиданно остановилась.

Марта, шедшая следом с чемоданом, едва не столкнулась с ней.

— Что случилось? — встревоженно спросила она.

Роза Архиповна смотрела на широкие деревянные ступени, и выражение её лица вдруг стало совсем другим. Исчезла весёлая насмешливость, с которой она разговаривала в холле, а пальцы крепче сжали ручку трости.

— Ничего, дорогая, — ответила она после небольшой паузы. — Просто вспомнила кое-что.

— Что именно? — уточнила Марта.

Женщина медленно провела ладонью по гладким перилам.

— Когда-то здесь было очень шумно, — тихо произнесла она. — Люди постоянно ходили туда-сюда, смеялись, спорили. Твой прадед любил, когда в доме было много гостей.

Марта посмотрела на пустой холл внизу.

— Сейчас тоже гости бывают, — заметила она, стараясь не выдать раздражения.

— Конечно, бывают, — мягко согласилась Роза Архиповна. — Только дом почему-то стал совсем другим.

Марта нахмурилась. — В каком смысле?

Роза Архиповна повернулась к ней и улыбнулась, но улыбка получилась немного грустной.

— Не обращай внимания, Марточка. Старые люди любят вспоминать прошлое. Особенно когда оно кажется им лучше настоящего.

Она продолжила подниматься, а Марта ещё несколько секунд стояла на лестнице, пытаясь понять, почему слова пожилой родственницы оставили у неё такое неприятное чувство.

Шестой номер Розе Архиповне понравился. Она внимательно осмотрела комнату, одобрительно кивнула при виде старого письменного стола и даже похвалила шторы, которые Марта лично выбирала прошлой весной.

— Очень уютно, — заключила женщина, ставя сумочку на кровать. — Только немного холодновато…

— Отопление работает, — поспешно заверила Марта.

— Я не про температуру, дорогая, — ответила Роза Архиповна, но объяснять не стала.

Марта почувствовала, как внутри снова поднимается раздражение. За последние полчаса эта женщина успела произнести столько странных замечаний, что их вполне хватило бы на отдельную книгу.

— Если вам что-нибудь понадобится, звоните на стойку регистрации, — сказала она, направляясь к двери.

— Марточка, подожди, — неожиданно окликнула её Роза Архиповна.

Марта остановилась.

Женщина сидела на краю кровати, сложив руки на коленях. Теперь, когда шляпка и пальто были сняты, она выглядела заметно старше. На лице проступили глубокие морщины, а под глазами лежали тёмные тени, которые Марта раньше не заметила.

— Я ведь не просто так приехала, — тихо произнесла Роза Архиповна.

Марта насторожилась.

— А зачем?

Женщина некоторое время молчала, словно подбирая слова.

— Хотела с тобой поговорить, — ответила она наконец. — О твоём отце. И о том, что происходило здесь много лет назад.

Марта почувствовала, как у неё неприятно сжался желудок.

— Если вы собираетесь рассказывать, каким замечательным человеком он был, — холодно произнесла она, — то я уже слышала достаточно подобных историй.

Роза Архиповна внимательно посмотрела на неё, но не обиделась.

— Нет, дорогая, — мягко ответила она. — Я не собираюсь убеждать тебя в том, чего ты сама не чувствовала.

Марта растерялась. Такой ответ оказался совершенно неожиданным.

— Тогда о чём вы хотите поговорить? — спросила она уже спокойнее.

— О том, каким он был до того, как стал человеком, которого ты помнишь, — произнесла женщина. — И почему так изменился.

За окном зашумел ветер, ударив мокрыми ветвями по стеклу. Марта невольно вздрогнула, хотя прекрасно понимала, откуда донёсся звук.

— Вы что-то знаете? — тихо спросила она.

Роза Архиповна вздохнула и осторожно поправила покрывало рядом с собой.

— Кое-что знаю, — ответила она. — Но не всё. И, боюсь, некоторые вещи мне самой до сих пор непонятны.

Марта хотела задать ещё несколько вопросов, но женщина вдруг побледнела и прикрыла глаза, словно у неё закружилась голова.

— Вам плохо? — встревожилась Марта, шагнув ближе.

— Нет-нет, милочка, — поспешно заверила Роза Архиповна, слабо улыбнувшись. — Просто дорога утомила. В моём возрасте путешествия уже не такое приятное развлечение, как раньше.

Марта внимательно посмотрела на неё. Теперь она заметила, что руки пожилой женщины слегка дрожат, а дыхание стало немного тяжелее.

— Может, вызвать врача? — предложила она.

— Не нужно, дорогая, — покачала головой Роза Архиповна. — Я знаю свои болячки лучше любого врача. Просто немного отдохну, и всё будет хорошо.

Марта не стала спорить, хотя тревога никуда не исчезла.

— Тогда я попрошу Зою Павловну принести вам чай, — сказала она.

— Вот это будет замечательно, — оживилась женщина. — Только пусть не кладёт сахар. Я его терпеть не могу, а она вечно забывает.

Марта невольно улыбнулась. — Хорошо. Без сахара.

Она уже взялась за дверную ручку, когда Роза Архиповна снова окликнула её.— Марточка…

— Да? — обернулась Марта.

Женщина смотрела на неё серьёзно, без прежней весёлой насмешливости.

— Ты ведь не собираешься продавать гостиницу?

Вопрос застал Марту врасплох.

— А что? — насторожилась она.

— Просто спрашиваю, — ответила Роза Архиповна.

Марта задумалась. За последние месяцы мысль о продаже возникала у неё не раз, особенно когда приходили счета за отопление или очередной мастер сообщал стоимость ремонта. Иногда ей казалось, что проще избавиться от этого огромного дома и начать нормальную жизнь где-нибудь подальше от Озёрска.

— Пока нет, — наконец ответила она. — Хотя иногда очень хочется.

Роза Архиповна медленно кивнула.

— Понимаю, — тихо произнесла она. — Твой отец тоже когда-то хотел уехать отсюда.

Марта удивлённо посмотрела на неё.

— Отец? — переспросила она. — Он же всю жизнь прожил в этой гостинице.

— Именно, дорогая, — ответила женщина, и в её голосе прозвучала странная печаль. — Именно поэтому и хотел.

Марта ещё некоторое время стояла у двери, ожидая продолжения, но Роза Архиповна устало прикрыла глаза, давая понять, что разговор окончен.

Выйдя в коридор, Марта осторожно закрыла дверь шестого номера и прислонилась к стене. Ей казалось, что за последние полчаса привычная жизнь неожиданно сдвинулась с места, хотя внешне ничего особенного не произошло. Просто приехала пожилая родственница, которую она почти не помнила, и начала задавать странные вопросы. Однако Марта никак не могла избавиться от ощущения, что Роза Архиповна знает о её семье гораздо больше, чем собирается рассказать.

Она направилась к лестнице, но, проходя мимо седьмого номера, неожиданно остановилась. Дверь была закрыта.

Марта прекрасно помнила, как вчера сама повернула ключ в замке. И всё же теперь ей почему-то захотелось проверить ручку ещё раз.

Она осторожно нажала на неё.

Заперто.

— Совсем уже, — пробормотала Марта, недовольно качая головой.

Снизу донёсся голос Зои Павловны, которая звала её помочь с какими-то документами, и Марта поспешила спуститься.

Она не заметила, как за закрытой дверью седьмого номера едва слышно скрипнула половица.

Глава 3

К вечеру Марта успела трижды пожалеть, что не спросила Розу Архиповну обо всём сразу. Сначала она решила, что пожилой женщине действительно нужно отдохнуть после дороги, затем её отвлекли поставщики, а ближе к ужину выяснилось, что в четвёртом номере перестал работать телевизор. Пока Марта объясняла постояльцу, что отсутствие спортивного канала в течение одного вечера вряд ли можно считать нарушением основных прав человека, мысли о неожиданной родственнице временно отошли на второй план.

Однако стоило ей вернуться за стойку регистрации, как вопросы снова полезли в голову. Откуда Роза Архиповна так хорошо знала её отца? Почему он хотел уехать из гостиницы, которую всю жизнь считал своим домом? И что такого произошло здесь много лет назад, о чём теперь необходимо разговаривать с почти незнакомой женщиной?

Особенно Марту раздражало последнее обстоятельство. Она терпеть не могла недомолвок, хотя сама регулярно отвечала на неудобные вопросы фразами «потом разберёмся» и «не сейчас». Впрочем, за собой она подобного недостатка предпочитала не замечать.

— Ты уже минут десять смотришь на одну и ту же страницу, — заметила Зоя Павловна, появившись из столовой с корзиной чистых салфеток. — Если там ничего не написано, могу принести другую.

Марта вздрогнула и посмотрела на раскрытый журнал бронирований. Действительно, последние несколько минут она разглядывала список гостей на пятницу, совершенно не понимая, кто из них когда собирается приехать.

— Я думаю, — недовольно ответила она, закрывая журнал.

— Вижу, — кивнула Зоя Павловна. — По лицу заметно. Обычно ты так смотришь, когда получаешь счёт за электричество.

— Очень смешно, — пробормотала Марта. — Лучше скажите, что вы знаете о Розе Архиповне?

Зоя Павловна перестала раскладывать салфетки и задумчиво посмотрела на лестницу.

— А что именно тебя интересует?

— Для начала — кто она такая. Кроме того, что приходится нам какой-то дальней родственницей и любит задавать странные вопросы.

— Хорошая женщина, — ответила Зоя Павловна. — Всегда была немного чудная, но добрая. Когда-то часто приезжала к твоему прадеду, потом стала появляться реже. Последний раз я её видела, наверное, лет пятнадцать назад.

— И вы никогда не рассказывали мне о ней? — удивилась Марта.

— А ты спрашивала? — невозмутимо поинтересовалась женщина.

Марта открыла рот, собираясь возразить, но почти сразу закрыла. С этим аргументом спорить было трудно.

— Она сказала, что мой отец хотел уехать из гостиницы, — произнесла Марта после небольшой паузы. — Вы об этом знали?

Зоя Павловна медленно сложила салфетку и положила её в корзину.

— Твой отец много чего хотел, Марточка, — ответила она наконец. — Только редко говорил об этом вслух.

— Например?

— Например, чтобы ты перестала спорить с ним по каждому поводу.

— Это было взаимно, — сухо заметила Марта.

— Не сомневаюсь, — вздохнула Зоя Павловна. — Вы оба были упрямые, как два старых осла. Только он ещё и старше, поэтому считал, что имеет право упрямиться больше.

Марта невольно улыбнулась: — А если без шуток?

Зоя Павловна посмотрела на неё внимательнее. За окном уже темнело, и в стекле отражались освещённый холл, стойка регистрации и большие часы, которые после вчерашних странностей снова показывали неправильное время.

— Без шуток, — медленно произнесла она, — твой отец очень изменился после смерти деда. До этого был совсем другим человеком.

— Каким? — тихо спросила Марта.

— Весёлым, представь себе. Любил гостей, умел разговаривать с людьми, иногда даже шутил. Ты, наверное, и не помнишь его таким.

Марта задумалась. В её воспоминаниях отец почти всегда был серьёзным, раздражённым и чем-то недовольным. Он мог часами проверять счета, ругать сотрудников за малейшую ошибку и требовать, чтобы она возвращалась домой до темноты, даже когда ей уже исполнилось шестнадцать.

— Не помню, — призналась она.

— Вот и я о том, — вздохнула Зоя Павловна. — А Роза Архиповна его хорошо знала ещё молодым. Может, она тебе больше расскажет.

Марта хотела спросить, почему сама Зоя Павловна не рассказывает всего, что помнит, но в этот момент из столовой донёсся звон посуды, и женщина поспешила проверить, что там происходит.

Оставшись одна, Марта некоторое время смотрела на лестницу. Ей вдруг стало неприятно от мысли, что почти все люди, знавшие её отца до рождения дочери, помнят какого-то совершенно другого человека. Человека, который умел смеяться, любил гостей и, возможно, даже был счастлив. Но почему то ей самой такой отец не достался.

Роза Архиповна спустилась к ужину около семи часов. Сиреневое пальто и шляпку она сменила на тёмно-зелёное платье с кружевным воротником, а на груди снова красовалась брошь в виде стрекозы. Теперь Марта заметила, что украшение было старым, с потемневшими крылышками и маленькими зелёными камнями вместо глаз.

Пожилая женщина двигалась медленно, осторожно придерживаясь за перила, но при виде Марты сразу оживилась.

— А вот и наша хозяйка! — радостно воскликнула она. — Марточка, ты не поверишь, я проспала почти четыре часа. В моём возрасте это уже не отдых, а полноценное путешествие во времени.

— Главное, чтобы вам стало лучше, — ответила Марта, выходя из-за стойки. — Как вы себя чувствуете?

— Как старый чемодан, который слишком долго таскали по вокзалам, — невозмутимо сообщила Роза Архиповна. — Но если его поставить в угол и дать немного отдохнуть, он ещё послужит.

Марта невольно усмехнулась. Несмотря на усталость, родственница выглядела бодрее, чем днём, хотя бледность никуда не исчезла.

— Зоя Павловна приготовила ужин, — сказала она. — Если хотите, я попрошу принести вам в номер.

— Ни в коем случае! — решительно возразила Роза Архиповна. — Я приехала не для того, чтобы сидеть в четырёх стенах. К тому же Зоенька обещала мне пирог, а такие обещания нужно контролировать лично.

Они направились в столовую, где за несколькими столиками уже ужинали постояльцы. В воздухе пахло запечённым мясом, свежим хлебом и яблоками с корицей. Зоя Павловна, заметив гостью, немедленно усадила её за стол у окна и принялась выяснять, что та предпочитает на ужин.

— Только немного, — предупредила Роза Архиповна, поправляя салфетку на коленях. — Я после дороги почти ничего не ем.

— Конечно, — согласилась Зоя Павловна и поставила перед ней тарелку, на которой еды хватило бы двум взрослым людям.

Марта с трудом удержалась от смеха: — Зоя Павловна, вы же слышали, что она попросила немного.

— А это и есть немного, — невозмутимо ответила женщина. — Я ещё добавку не принесла.

Роза Архиповна посмотрела на тарелку, затем на Зою Павловну и одобрительно кивнула.

— Вот за это я тебя всегда и любила, Зоенька. Ты никогда не воспринимала чужие возражения слишком серьёзно.

— Особенно когда человек голодный, — заметила та и отправилась на кухню.

Марта уже собиралась вернуться к работе, но Роза Архиповна неожиданно взяла её за руку.

— Посиди со мной, дорогая, — попросила она. — Мы ведь так и не поговорили.

Марта замялась. На стойке регистрации оставались документы, которые нужно было закончить до вечера, однако любопытство оказалось сильнее привычного желания заниматься делами.

— Хорошо, — согласилась она, присаживаясь напротив. — Только недолго. У меня ещё работа.

— Работа, работа, — неодобрительно покачала головой Роза Архиповна. — Ты прямо как твой отец. Он тоже вечно куда-то спешил, а потом удивлялся, почему жизнь проходит мимо.

Марта почувствовала знакомое раздражение, но решила пока промолчать. Ей хотелось услышать, что родственница собирается рассказать, а ссориться в первые же минуты разговора было бы неразумно.

— Вы говорили, что хорошо знали моего прадеда, — напомнила она.

— Конечно, знала, — оживилась Роза Архиповна. — Удивительный был человек. Представляешь, он мог запомнить имя каждого гостя, даже если тот приезжал всего на несколько дней. А ещё любил устраивать вечера с музыкой, приглашал местных артистов, сам иногда играл на старом пианино. Правда, играл ужасно, но делал это с таким удовольствием, что никто не решался ему об этом сказать.

Марта удивлённо улыбнулась. Она никогда не слышала, чтобы кто-нибудь рассказывал о прадеде с такой теплотой.

— Пианино? — переспросила она. — У нас разве было пианино?

— Было, дорогая, было. Вон там стояло, возле окна, — Роза Архиповна указала на дальний угол столовой. — Чёрное, большое, с одной клавишей, которая постоянно западала. Твой прадед говорил, что это придаёт музыке характер.

— Судя по всему, у нас в семье всегда любили оправдывать неисправности характером, — заметила Марта.

Роза Архиповна рассмеялась, но почти сразу закашлялась, прикрыв рот платком. Марта настороженно подалась вперёд, однако женщина жестом показала, что всё в порядке, и сделала несколько глотков воды.

— А гостиница тогда уже называлась «Отражение»? — спросила Марта, когда родственница отдышалась.

— Конечно, — кивнула та. — Твой прадед сам придумал название. Хотя тогда это был ещё дом отдыха, а не гостиница в нынешнем понимании.

— Почему именно «Отражение»? — заинтересовалась Марта. — Из-за озера?

Роза Архиповна задумчиво посмотрела в окно, за которым уже почти ничего не было видно.

— Наверное, и из-за озера тоже, — медленно произнесла она. — Но он иногда говорил, что у каждого дома есть своё лицо. И что некоторые дома очень похожи на людей, которые в них живут.

Марта усмехнулась:

— Если судить по нашей гостинице, то у неё сейчас лицо человека, который три дня не спал и ненавидит окружающих.

— А может, она просто устала, — неожиданно серьёзно ответила Роза Архиповна.

Марта подняла глаза. — Кто?

— Гостиница, дорогая.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, после чего Марта не выдержала и рассмеялась.

— Роза Архиповна, вы сейчас серьёзно разговариваете о чувствах здания?

— А почему бы и нет? — невозмутимо поинтересовалась женщина. — Люди разговаривают с цветами, машинами и домашними животными. Чем дом хуже?

— Тем, что он не может ответить, — заметила Марта.

Роза Архиповна чуть заметно улыбнулась.

— Не всегда, дорогая. Не всегда.

В этот момент в дальнем конце столовой что-то негромко стукнуло. Марта обернулась и увидела, что одна из створок старого буфета приоткрылась. Вероятно, Зоя Павловна плохо закрыла дверцу, когда доставала посуду, но совпадение оказалось настолько своевременным, что Марта невольно посмотрела на родственницу.

Та спокойно продолжала есть, словно ничего необычного не произошло.

— Вот только не говорите, что это дом нам ответил, — пробормотала Марта.

— Не буду, — с готовностью согласилась Роза Архиповна. — Ты ведь всё равно не поверишь.

Марта покачала головой, но почему-то почувствовала лёгкий холодок на спине.

После ужина они перебрались в небольшую гостиную возле холла. Здесь стояли два мягких кресла, диван с потёртой обивкой и низкий столик, на котором Зоя Павловна оставила чайник, чашки и тарелку с яблочным пирогом. За окнами шумел ветер, а в камине, который Марта недавно распорядилась почистить, потрескивали дрова.

Роза Архиповна устроилась в кресле, осторожно вытянув ноги, и с удовольствием огляделась.

— А вот здесь почти ничего не изменилось, — заметила она. — Даже этот столик стоит на прежнем месте.

— Он тяжёлый, — пояснила Марта, наливая чай. — Я пыталась его передвинуть, но потом решила, что проще оставить как есть.

— Разумное решение, — одобрила родственница. — Иногда вещи лучше не трогать.

Марта поставила перед ней чашку.

— Вы всё время говорите так, словно знаете что-то, чего не знаю я, — заметила она, усаживаясь напротив.

Роза Архиповна посмотрела на неё поверх очков.

— В моём возрасте, дорогая, это почти неизбежно. Я прожила на сорок лет больше тебя, так что кое-какие преимущества у меня должны быть.

— Я не про возраст, — возразила Марта. — Вы сказали, что мой отец хотел уехать из гостиницы. Зоя Павловна тоже говорит, что раньше он был совсем другим. Что с ним произошло?

Роза Архиповна некоторое время молчала, медленно помешивая чай маленькой ложечкой. Марта заметила, что руки у неё слегка дрожат, хотя женщина старалась этого не показывать.

— Твой отец был хорошим мальчиком, — наконец произнесла она. — Весёлым, любознательным, немного упрямым. Очень любил фотографировать, представляешь? Вечно бегал с каким-то старым фотоаппаратом, снимал гостей, деревья, озеро. А ещё мечтал путешествовать.

Марта удивлённо подняла брови.

— Мой отец? Путешествовать?

— Именно, — кивнула Роза Архиповна. — Он хотел увидеть море, большие города, другие страны. Говорил, что не собирается всю жизнь сидеть в Озёрске.

Марта невольно усмехнулась. Человек, которого она помнила, считал поездку в соседний район почти бессмысленной тратой времени и денег. Он редко покидал гостиницу, а когда Марта в юности говорила, что хочет уехать, неизменно отвечал, что дома всегда найдётся достаточно работы.

— Странно, — пробормотала она. — Никогда бы не подумала.

— Люди меняются, дорогая, — тихо заметила Роза Архиповна. — Иногда постепенно, а иногда после одного события.

Марта насторожилась. — Какого события?

Роза Архиповна опустила взгляд на чашку.

— После смерти твоего деда многое изменилось, — ответила она. — Твой отец тогда словно перестал быть самим собой. Стал замкнутым, раздражительным, начал бояться вещей, на которые раньше не обращал внимания.

— Бояться? — переспросила Марта. — Чего именно?

— Этого я и сама до конца не поняла, — призналась женщина. — Он редко говорил прямо. Всё больше намёками, обрывками фраз. Иногда писал мне письма, в которых задавал очень странные вопросы.

Марта подалась вперёд. — Какие вопросы?

Роза Архиповна внимательно посмотрела на неё, словно решая, насколько откровенной стоит быть.

— Спрашивал, помню ли я определённых гостей, которые останавливались здесь много лет назад. Интересовался, не рассказывал ли твой прадед чего-нибудь необычного о доме. А однажды спросил, верю ли я, что место может приносить человеку несчастье.

Марта нахмурилась. — И что вы ответили?

— Что несчастье обычно приносят люди, — спокойно произнесла Роза Архиповна. — Но он, кажется, мне не поверил.

Некоторое время Марта молчала, пытаясь представить отца, который пишет родственнице письма и спрашивает о каких-то давних постояльцах. В её памяти он всегда был человеком, который предпочитал решать проблемы самостоятельно и терпеть не мог обсуждать семейные дела с посторонними.

— А почему он обращался именно к вам? — спросила она наконец.

Роза Архиповна осторожно поставила чашку на блюдце.

— Потому что я знала твоего прадеда и деда ещё в те времена, когда твой отец был ребёнком, — ответила она. — И потому что мне можно было доверять.

— А Зое Павловне нельзя? — удивилась Марта.

— Зоенька хорошая женщина, — мягко произнесла родственница. — Но твой отец не хотел втягивать её в свои тревоги. Она и без того слишком много лет провела рядом с твоим дедом.

Марта задумалась. Вспомнив дневной разговор с Зоей Павловной, она вдруг поняла, что та действительно почти ничего не рассказывала о последних годах жизни деда, хотя явно помнила их хорошо.

— Вы думаете, отец что-то скрывал? — тихо спросила она.

Роза Архиповна долго смотрела на огонь в камине.

— Думаю, он сам не знал, чему верить, — наконец ответила она. — И очень боялся ошибиться.

Марта почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Ей казалось, что разговор снова превращается в бесконечную череду намёков, за которыми никто не собирается объяснять ничего конкретного.

— Роза Архиповна, — произнесла она, стараясь говорить спокойно, — вы приехали сюда, чтобы рассказать мне что-то важное. Я правильно понимаю?

Женщина повернулась к ней.

— Правильно, дорогая.

— Тогда, может быть, расскажете? — Марта развела руками. — Потому что пока я слышу только то, что мой отец был когда-то весёлым, потом стал несчастным, чего-то боялся и писал вам странные письма. Но что именно произошло, никто не объясняет.

Роза Архиповна не обиделась. Напротив, в её глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Ты очень похожа на него, когда сердишься, — заметила она.

— Спасибо, — сухо ответила Марта. — Именно этого мне сейчас и не хватало.

Женщина слабо улыбнулась, но почти сразу посерьёзнела.

— У меня сохранились его письма, — тихо произнесла она. — Не все, конечно, но некоторые. Я привезла их с собой.

Марта замерла.

— Письма отца?

— Да, — кивнула Роза Архиповна. — Он писал мне на протяжении нескольких лет. Иногда часто, иногда исчезал на месяцы, а потом снова присылал длинное письмо, полное вопросов и тревог.

— И вы можете их показать? — быстро спросила Марта.

— Конечно, дорогая. Ради этого я, собственно, и приехала.

Марта почувствовала, как сердце забилось чуть быстрее. Ей вдруг стало страшно и одновременно невероятно любопытно. Она почти ничего не знала о жизни отца до собственного рождения, а теперь перед ней сидела женщина, у которой могли оказаться ответы на вопросы, давно похороненные под раздражением и обидой.

— Тогда давайте посмотрим сейчас, — предложила Марта, невольно подавшись вперёд.

Роза Архиповна покачала головой.

— Завтра, милочка. Сегодня я слишком устала, а разговор предстоит непростой.

— Но вы же сами начали! — возмутилась Марта.

— Именно поэтому и знаю, что лучше продолжить на свежую голову, — спокойно ответила женщина. — Некоторые вещи не стоит обсуждать между чаем и яблочным пирогом.

Марта открыла рот, собираясь возразить, но заметила, как побледнела родственница. Та осторожно приложила ладонь к груди и на несколько секунд прикрыла глаза.

— Вам плохо? — встревожилась Марта, мгновенно забыв о своём раздражении.

— Немного устала, — призналась Роза Архиповна. — Не волнуйся, дорогая. Мне просто нужно отдохнуть.

Марта поднялась с кресла.

— Я провожу вас в номер. Может, всё-таки вызвать врача?

— Не нужно, — мягко возразила женщина. — Я принимаю лекарства, всё под контролем. В моём возрасте, знаешь ли, организм иногда начинает вести себя как старый автомобиль: вроде ещё едет, но постоянно требует внимания.

Марта невольно улыбнулась, хотя тревога никуда не исчезла.

— Тогда хотя бы не спорьте и позвольте помочь вам подняться, — сказала она, протягивая руку.

— Вот это уже разумное предложение, — одобрила Роза Архиповна и осторожно поднялась.

Они медленно направились к лестнице. В холле было тихо, лишь старые часы продолжали размеренно тикать, хотя стрелки по-прежнему показывали неправильное время. Роза Архиповна на мгновение остановилась возле них и задумчиво посмотрела на циферблат.

— Забавно, — пробормотала она.

— Что опять? — насторожилась Марта.

— Твой прадед говорил, что эти часы никогда не останавливаются без причины, — ответила женщина.

Марта закатила глаза.

— Тогда у них причин больше, чем у меня неоплаченных счетов.

Роза Архиповна тихо рассмеялась, но тут же закашлялась, и Марта поспешила подхватить её под локоть.

— Всё, никаких больше разговоров про часы, — строго сказала она. — Вам нужно отдыхать.

Они поднялись на второй этаж, и Марта проводила родственницу до её номера. Роза Архиповна выглядела совсем уставшей, поэтому Марта помогла ей снять кардиган, поставила на тумбочку стакан воды и убедилась, что телефон находится под рукой.

— Если что-нибудь понадобится, сразу звоните, — предупредила она. — Я живу наверху, в мансарде, так что далеко идти не придётся.

— Спасибо, Марточка, — тихо ответила Роза Архиповна, опускаясь на кровать. — Ты хорошая девочка, хоть и стараешься это тщательно скрывать.

— Не распространяйтесь, пожалуйста, — усмехнулась Марта. — У меня репутация.

Женщина улыбнулась, но почти сразу снова стала серьёзной.

— Знаешь, дорогая, твой отец очень тебя любил, — неожиданно произнесла она.

Марта замерла возле двери.

— Он не слишком хорошо это показывал, — сухо ответила она.

— Знаю, — тихо согласилась Роза Архиповна. — И не собираюсь его оправдывать. Просто хочу, чтобы ты однажды поняла, почему он так боялся за тебя.

Марта почувствовала неприятный комок в горле и поспешно отвернулась.

— Завтра поговорим, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Завтра, — повторила женщина и устало прикрыла глаза.

Марта выключила верхний свет, оставив гореть небольшую лампу возле кровати, и осторожно вышла в коридор.

Спускаясь по лестнице, она думала о том, как странно иногда складывается жизнь. Три года назад она похоронила отца, будучи совершенно уверенной, что знает о нём всё необходимое. Теперь же оказалось, что за его постоянными запретами, раздражением и холодностью скрывалась какая-то другая история, о которой ей никто не рассказывал.

Внизу Зоя Павловна уже собиралась домой. Увидев Марту, она сразу заметила перемену в её настроении.

— Ну что, поговорили? — осторожно спросила женщина.

— Поговорили… — кивнула Марта, опускаясь на стул за стойкой.

— И что сказала Роза Архиповна?

Марта некоторое время молчала, разглядывая свои руки.

— Что отец раньше был другим, — наконец ответила она. — Что он чего-то боялся. И что у неё есть его письма.

Зоя Павловна нахмурилась.— Письма?

— Да. Обещала завтра показать.

Женщина медленно кивнула, но по её лицу Марта заметила, что новость почему-то её встревожила.

— Зоя Павловна, — тихо спросила она, — а вы никогда не замечали за моим отцом ничего странного?

Та посмотрела на неё долгим взглядом.

— Марточка, — произнесла она наконец, — твой отец последние годы почти всё время был странным. Только я думала, что это от усталости и переживаний.

— А дед? — неожиданно спросила Марта. — Вы никогда не замечали за ним ничего странного?

Зоя Павловна фыркнула.

— Милая моя, я за двадцать лет не заметила за ним ничего нормального.

Марта невольно рассмеялась, хотя смех получился немного нервным.

— Вы умеете успокоить, — заметила она.

— А то, — кивнула женщина. — На то я здесь и нужна.

Зоя Павловна поправила шарф, пожелала Марте спокойной ночи и направилась к выходу. Уже взявшись за ручку двери, она вдруг остановилась и обернулась.

— Марточка, — произнесла она неожиданно серьёзно, — ты только не торопись с выводами. Старые истории иногда выглядят страшнее, чем были на самом деле.

Марта подняла голову.

— А иногда? — спросила она.

Зоя Павловна некоторое время молчала.

— А иногда лучше бы их вообще не вспоминать, — тихо ответила она и вышла.

Марта осталась одна в холле, чувствуя, как неприятный холодок снова медленно пробегает по спине. Она посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж, где за закрытой дверью шестого номера отдыхала Роза Архиповна.

Завтра она увидит письма отца и, возможно, наконец узнает, что происходило в этом доме много лет назад.

Марта поднялась, выключила лишние светильники и направилась к себе. Проходя мимо больших часов, она машинально взглянула на циферблат.

Стрелки всё ещё показывали без десяти девять.

Она остановилась.

На телефоне было почти одиннадцать.

Маятник продолжал раскачиваться, но время на циферблате словно застыло.

— Да что же с тобой такое? — раздражённо пробормотала Марта, подходя ближе.

Она осторожно открыла стеклянную дверцу, проверила механизм и снова закрыла её. Часы продолжали тикать, совершенно не обращая внимания на хозяйку.

— Ладно, — вздохнула Марта. — Завтра разберёмся и с тобой.

Она выключила последний светильник и начала подниматься по лестнице.

Когда её шаги стихли, в пустом холле раздался негромкий металлический щелчок.

Минутная стрелка старых часов медленно сдвинулась вперёд.

Всего на одно деление.

А затем снова замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.